
Е. В. КОРОЛЕВА

ЭКОПОЛИТИКА КАК ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАУКИ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ: ИНТЕРАКТИВНЫЙ ПОДХОД*

События конца XX века, пошатнувшие экологическое равновесие и навсегда разрушившие представление о предсказуемом и безопасном характере индустриального прогресса, не остались в стороне от социологического осмысления. Именно в это время в западной социологии риска появляется новый тип теоретизирования, обозначающий науку и общественность как двух важнейших и при этом противоборствующих игроков на поле экологической политики. Основоположником этого подхода можно по праву считать современного немецкого исследователя Ульриха Бека. Желая отграничить подход сторонников и последователей Бека от более ранних исследований на ту же тему, мы вслед за А. Ирвином (Irwin 1994) будем называть его интерактивным. Под наукой (также «большой наукой») мы будем понимать естественные и точные дисциплины, подчеркивая тем самым, что гуманитарные науки в отношении этой проблемы занимают особое положение. Определение «большая» означает значительные капиталовложения, например, в форме государственного финансирования или поддержки со стороны бизнеса, а также обладание политическим, социальным и символическим капиталом, что обеспечивает власть, высокий статус и значимость научных проектов. Классические примеры «большой науки» – ядерные исследования, генетика, некоторые отрасли медицины, химия. Говоря об общественности (или населении), мы имеем в виду не население страны в целом, а лишь группу непрофессионалов, затронутых практическим применением научных достижений¹.

Отличительная черта интерактивного подхода – генерализация и радикализация критики института «большой науки». По мнению У. Бека и Э. Гидденса, современная наука, руководствующаяся

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 04-03-00-499а.

принципами, выработанными еще в эпоху Просвещения, представляет принципиальную опасность для людей и природы. Население все в большей степени осознает этот факт и реагирует на него массовой обеспокоенностью проблемами окружающей среды, ростом критицизма в адрес науки и онтологического беспокойства.

Оценка участия науки в создании и росте рисков (так называемых «познавательных шлюзов» для рисков) стала отправной точкой для многих десятков исследований по проблемам экполитики во всем мире (см., например: Ali 1999; Beamish 2001; Murphy 1997; Rinkevicius 2000; Яницкий 2003). Идеи Бека легли в основу работ, акцентирующих изменение роли социальной теории в сторону солидаризации с населением и прямой конфронтации с естественными науками. Например, во введении к сборнику, посвященному современным исследованиям по социологии риска, авторы открыто утверждают, что «язык риска не таков, чтобы легко приспособиться к языку несправедливости» (Adam, Loon 2000: 1), и видят свою задачу в создании теории, по своему мобилизующему потенциалу сравнимой с марксизмом, феминизмом или постколониализмом. Исследователи отказываются от принципа этической нейтральности, общепринятого в научном сообществе, беря на себя не только исследовательские, но и политические задачи: «Хотя есть очевидные причины для предпочтения более ограниченной, инструментальной роли социальной теории, большинство авторов в этом сборнике отдают предпочтение более широкой роли. В обществе риска... даже наиболее ограниченная и умеренно-объективистская оценка последствий риска включает скрытые политику, этику и мораль. Это не означает, что мы видим роль социальной теории в укреплении морали; это значит, что в любом случае «обращения к терминам» и «придания смысла» мы сталкиваемся с решением о том, признавать или игнорировать этико-политические последствия (Adam, Loon 2000: 1).

Критическое и часто негативное отношение к естественнонаучным познавательным практикам со стороны социальной теории связано с несоответствием между масштабами последствий применения научного знания и имеющимися механизмами для контроля над ними. Бек указывает на неустранимое внутреннее противоре-

чие, определяющее статус «большой науки» в эпоху рефлексивного модерна: ученые не могут не учиться на своих ошибках, и в то же время цена этих ошибок столь высока, а последствия столь непредсказуемы, что они становятся недопустимыми и неизбежными в одно и то же время. «В обществе риска ошибки – это утеkanie радиоактивного вещества из реактора, рождение изуродованных детей и смерть людей от вируса бешенства. И так, ученые больше не могут делать ошибок, увы. Но они допускают ошибки, и сильнее, чем когда-либо, это отражается на них самих» (Beck 1998).

Бек описывает несколько механизмов контроля над результатами применения научного знания, которые были эффективными раньше, но участвуют в углублении рисков в настоящее время. Один из самых очевидных механизмов участия науки в создании рисков – сговор с группами, обладающими властью (государством, технократией и т. д.) и материально заинтересованными в рискованных технологиях, – хотя и не отрицается Бек, но и практически не обсуждается. Бека в большей степени интересуют механизмы производства рисков, связанные с внутренними правилами и ограничениями научной рациональности. Например, механизм, который Бек называет «взвинчиванием стандартов научности». Множественность причин современных глобальных рисков и невозможность изучать их изолированно приводят к тому, что возможные причины их возникновения не рассматриваются как достаточные основания для изменений. «Ученые настаивают на “добротности” своей работы, держат на высоком уровне теоретико-методические стандарты... Именно отсюда вытекает своеобразная антилогика обращения с рисками. Умение настаивать на недоказанности причинных взаимосвязей вполне приличествует ученому и даже достойно похвалы. <...> Если на основании “неясного” толкования факта отрицается само наличие риска, то это означает, что необходимые контрмеры не будут приняты и опасность возрастет» (Beck 1998: 75). Взвинчивание стандартов научности сужает круг признанных, требующих активного вмешательства рисков, наука, таким образом, выдает рискам охранную грамоту, обеспечивая их накопление.

Второй «познавательный шлюз» для накопления рисков заключен в самой методике определения предельных величин, основан-

ной на принципе допустимой меры загрязнения, а не на предотвращении загрязнения вообще. Бек считает, что в основе каждого определения допустимой величины лежат по меньшей мере три ложных умозаключения. Во-первых, не учитывается кумулятивный эффект действия ядовитых веществ. Из области медицины известно, что медикаменты, взаимодействуя, теряют или накапливают свои свойства. Не лишено смысла предположение, что нечто подобное происходит и с многочисленными «частичными» отравлениями, допускаемыми предельными величинами. Во-вторых, ошибка происходит, когда результаты опытов над животными переносятся на человека. В-третьих, предельные величины определяются для человека вообще, а не для отдельных возрастных и профессиональных групп, хотя известно, что в зависимости от условий жизни и состояния здоровья люди по-разному переносят частичные отравления. Таким образом, предельные величины, скорее, выполняют функцию «символического обеззараживания» (Бек 2000: 83), то есть политической легализации рисковенных производств, чем реального контроля над рисками.

Из-за того, что наука склонна значительно преуменьшать размеры рисков, Бек отдает предпочтение оценкам населения. Хотя, по мнению Бека, повседневное знание также не свободно от искажений и ошибок, только оно может способствовать реальному, а не символическому решению экологических проблем. Бек полагает, что солидарности людей, обеспокоенных рисками (или «солидарности страха», как он их называет), становятся новым политическим субъектом в современном обществе. Именно они, внеклассовые и вненациональные общности, должны сознательно и добровольно выбирать социально приемлемые технологии и определять порядок применения научных достижений на практике.

Идея Бека о ценности повседневного знания исключительно близка представителям так называемой теории локального знания. Исследователи Лидского университета Лейтон, Дженкинс, Макгил, Дейви (Layton, Jenkins 1993) приходят к следующему выводу: «[Научное] знание создавалось, проверялось и стандартизировалось [научным] сообществом, основной мотивацией которого было любопытство относительно природного мира и чьей глобальной целью было обобщенное понимание. [Люди, затронутые пробле-

мой], нуждаются в знании, которое связано с их представлениями о том, что нужно делать в краткосрочной перспективе, немедленно и именно в их положении» (Layton, Jenkins 1993: 45).

Сторонники теории локального знания рассматривают научное знание как ресурс практического разрешения экологической проблемы, хотя обнаруживают, что обычно оно не удовлетворяет этому требованию. Например, упомянутые исследователи делают вывод, что «взрослые испытывают трудности в том, чтобы связать доступные им научные объяснения с проблемой в том виде, какой они ее конструируют» (Layton, Jenkins 1993: 124). Иллюстрации этого тезиса содержатся во всех выполненных авторами кейс-стади, посвященных экологическим проблемам: точка зрения специалистов по отоплению относительно сохранения энергии отличается от позиции пожилых людей, для которых отопление обладает символической значимостью как источник комфорта, безопасности и благополучия; научная информация о безопасности ядерной энергии не соответствует потребностям жителей, ставших свидетелями строительства атомной станции и т. д.

Гносеологический подход, разделяемый представителями интерактивного подхода, можно обозначить как полуконструктивистский. С одной стороны, они говорят об экологических рисках как о реальных фактах, поскольку только это может обеспечить основание политической мобилизации вокруг экологических проблем. С другой стороны, вопрос об истинных величинах риска остается открытым. Отказывая в правоте по этому вопросу ученым, обладающим специализированными знаниями и оборудованием, представители интерактивного подхода не могут признать объективным и истинным знание непрофессионалов, не обладающих ни тем, ни другим. Для этого пришлось бы детально описать ненаучные способы получения объективного знания, что пока не сделано (и не планируется) даже теорией локального знания. Логичным выходом из этой ситуации было бы принятие конструктивистского подхода, но, как уже было сказано, это значительно ослабило бы позицию сторонников данного подхода и, в общем, вернуло бы обсуждение в русло проблемы различий в восприятии экологической опасности.

Представители интерактивного подхода предполагают, что риск может быть преодолен при помощи тех же демократических

процедур, которые используются при решении других политических проблем. При этом и наука, и население должны предпринять ряд действий, чтобы встретиться для обсуждения экологических проблем как равные партнеры. Представители науки должны признать, что безоценочность и изменчивость научного знания делают его неприменимым в качестве инструмента принятия политических решений. В случаях конфликтов, связанных с риском, оно должно быть дополнено обсуждением альтернатив и возможных последствий. «Урок общества риска, – пишет Бек, – заключается в том, что политика и мораль приобретают – должны приобрести! – приоритет над меняющимися научными заключениями» (Beck 1998). Адресаты и пользователи научных результатов, в свою очередь, получают шанс или даже принуждаются к тому, чтобы стать активными продуцентами знания, релевантного для политических решений.

В книге «Изобретение политического» Бек предлагает ряд принципов демократизации познавательной практики:

- Демонопользация экспертизы. Люди должны попрощаться с идеей о том, что управляющие и эксперты всегда знают точно или, по меньшей мере, более точно, что хорошо для каждого рядового человека.

- Антиформализация. Круг участников процесса принятия решений должен быть расширен в соответствии с социальными стандартами релевантности.

- Создание частичной гласности. Переговоры между экспертами и теми, кто принимает решения за закрытыми дверями, должны трансформироваться в диалог широкого круга агентов.

- Нормотворчество. Нормы этого процесса – модели обсуждения, протокол, дебаты, оценка интервью, формы голосования и одобрения – должны быть согласованы между всеми участниками процесса обсуждения (Beck 1994).

Практически эти принципы могут осуществляться, например, технологическими судами, которые гарантировали бы обсуждение возможных последствий технологических инноваций еще до принятия окончательных решений.

Еще одна необходимая, с точки зрения Бека, мера – это концентрация науки на «порождающем» контексте, то есть целостный подход к причинам экологических проблем, а не к их симптомам.

Например, в области сельского хозяйства порочный круг, создаваемый химической обработкой земель, мог бы быть разорван поиском биологических способов борьбы с вредителями, которые не создавали бы побочных эффектов в виде накопления ядов в пищевых продуктах, почве и грунтовых водах.

Интерактивный подход полностью выравнивает соотношение сил между населением и институтами научной экспертизы, отрицая превосходство научного знания над обыденным и в соответствии с этим предлагая разделить властные полномочия между общественностью и наукой. По мнению Бека, «большая наука» переживает своеобразную инверсию, переворот внутреннего и внешнего: внутреннее – решение об истине и познании – уходит вовне, а внешнее – «непредсказуемые» побочные последствия – становится постоянной внутренней проблемой самой научной работы.

В некоторых современных исследованиях, основанных на теории Бека, содержится еще более радикальная критика науки, обращенная уже на гуманитарные дисциплины. Например, по мнению Р. Мерфи, социальная теория сможет продуцировать мыслительные альтернативы «большой науке» только в том случае, если предварительно пересмотрит и обновит собственное содержание. «Хотя Бек очень критичен по отношению к институтам Первого модерна, в особенности же – к науке, он удивительно некритичен к социологии. Он пишет так, как если бы социология была единственной дисциплиной, превзошедшей ограниченные формы раннего модерна. Социология, созданная в обстоятельствах простой модернизации, игнорировала природу и, тем самым, делала свой вклад в нарастание экологических проблем, поддерживая современную идеологию, пренебрегающую природой» (Murphy 1997: 39). Основным пороком социологии заключается в том, что она исходит из представления о статичной, неизменной природе, в целом оказывающей минимальное воздействие на социальные отношения. В качестве примера воздействия природы на общество Мерфи указывает на ситуацию с применением антибиотиков, когда появление бактерий, устойчивых к ним, привело к изменениям в социальных (в частности сексуальных) отношениях (Murphy 1997: 18).

Первым средством борьбы со слепотой социальной теории, по мнению Мерфи, должен стать решительный отказ от конструкти-

вистской методологии, которой в той или иной степени придерживались все представители интерактивного подхода. Если мы признаем, говорит Мерфи, что риск конструируется социально, понятно, что объективный уровень риска не может прямо и непосредственно влиять на общественное сознание. Социальная детерминация риска делает возможным широкое разнообразие социальных реакций по поводу любого уровня физического риска, начиная от относительной пассивности и заканчивая крайними формами возмущения. Этот тезис Мерфи оценивает как ложный и с научной, и с политической точек зрения. Воспроизведем лишь один пример, показывающий, что между биологическим феноменом и представлением должно существовать явное соответствие. Теоретически люди могут придерживаться мнения или даже ощущения, пишет Мерфи, что они будут вечно существовать в своей телесной форме. Но подобные мнения и ощущения чрезвычайно редки, поскольку они существенно противоречат природным процессам: существование всех живых организмов, созданных природой, конечно. Естественные процессы непосредственно влияют на мнения и ощущения, и социологическая теория, которой не удалось бы учесть этот фундаментальный принцип, на самом деле была бы очень неполной теорией (Murphy 1997: 8). Кроме того, отрицание физического статуса природных объектов может быть идеологией, чрезвычайно удобной для отрицания существования экологических проблем политиками (Murphy 1997: 42).

Барьер между обществом и природой, социологией и биологией, о котором пишет Мерфи, появился вместе с классической социологией, отделив ее от более ранних натуралистических учений (например, от социал-дарвинизма). Тем не менее некоторые шаги по преодолению этого барьера уже делаются: например, Д. Фостер указывает на появление в последние годы «зеленых» версий марксистской, веберовской и интеракционистской теорий (Foster 1999).

Проблема взаимодействия между наукой и обществом была и остается одной из центральных в западной социологии риска. Представители интерактивного подхода демонстрируют достаточно радикальную позицию, выступая в союзе с общественностью против диктата естественных наук. К концу 90-х критика естест-

венных наук была дополнена самокритикой и попытками пересмотра некоторых базовых социологических принципов. На настоящий момент все три подхода сохранили автономию и продолжают развиваться независимо друг от друга.

Эта дискуссия, изначально возникшая на пересечении социологии и политики, все более явно демонстрирует перевес политики. Социологи, занимающиеся вопросами управления рисками, становятся известными не столько как ученые, сколько как общественные деятели (например, Бек – постоянный обозреватель известного еженедельника, Гидденс – бывший советник Т. Блэра). Социальные науки, выходя на поле политики, принуждают «большую науку» также покинуть пределы лабораторий и учебных аудиторий и встретиться с общественным мнением лицом к лицу. Директивный подход достиг своих целей, обучив население языку науки. Повидимому, западная общественность знает о научных проблемах почти все, что может быть понято людьми без профессионального образования. Следующий шаг навстречу должны сделать ученые, приняв в качестве дополнительных принципов научной работы принципы правовой демократии.

Литература

Бек, У. 2000. *Общество риска. На пути к другому модерну*. М.: Прогресс-Традиция.

Яницкий, О. Н. 2003. *Социология риска*. М.: Институт социологии РАН.

Adam, B., Loon, J. 2000. Introduction: Repositioning Risk; the Challenge for social Theory // *The Risk Society and Beyond*. L.: Sage Publications. P. 1–31.

Ali, S. 1999. The Search for a Landfill Site in the Risk Society. *The Canadian Review of Sociology and Anthropology*. Toronto. February.

Beamish, T. B. 2001. Environmental Hazard and Institutional Betrayal. *Organization & Environment*. March.

Beck, U.

1994. The Reinvention of Politics: Toward a Theory of Reflexive Modernization. In: Beck, U., Giddens, A., Lash, S. *Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetic in the Modern Social Order* (1–55). Cambridge: Polity Press.

1998. Politics of Risk Society. *The Politics of Risk Society* (238) / ed. by Franklin J. Cambridge: Polity Press.

Foster, J. B. 1999. Marx's Theory of Metabolic Rift: Classical Foundations for Environmental Sociology. *American Journal of Sociology*. V. 105. Issue 2: 366–405.

Irwin, A. 1994. Science and Its Publics: Continuity and Change in the Risk Society. *Social Studies of Science*. Vol. 24: 168–184.

Layton, A., Jenkins, E., Macgill, S., Davey, A. 1993. Inarticulate Science: Perspectives on the Public Understanding of Science and Some Implications for Science Education. Driffield: Studies in Education Ltd.

Murphy, R. 1997. *Sociology and Nature*. Colorado: Westview Press.

Rinkevicius, L. 2000. Public Risk Perceptions in a “Double-risk” Society: The Case of the Ignalina Nuclear Power Plant in Lithuania. *Innovation. Abingdon*. September.

Wynne, B. 1996. May the Sheep Safely Graze? A Reflexive View of the Expert-lay Knowledge Divide. In: Lash, S., Szerszynski, B., Wynne, B. (eds.) *Risk, Environment and Modernity*. London: Sage.